

чтобы смущаться зрѣлищем этого политическаго опрошенства, мы привѣтствуем шаг христіанской интеллигенціи навстрѣчу народу. Но думаем, что этот шаг обязывает к полной опредѣленности. В политикѣ нельзя играть словом «революція» с той легкостью, как в чистых сферах культуры. Революція здѣсь сразу оборачивается звѣриным ликом — и кровью и грязью. И во всяком революціонном движеніи благородные идеалисты неизбежно сметаются людьми, умѣющими дразнить и укрощать многоголоваго звѣря.

А. М. І.

Книги

CONSTANTIN OSTROGORSKY.

Joseph de Maistre und seine Lehre von der höchsten Macht und ihren Trägern. Helsingfors, 1932.

Небольшая, талантливая и страстно написанная книжка К. Острогорскаго распадается на двѣ части: текст, заключающій в себѣ краткое изложеніе ученія де Мэстра о католической церкви и папской власти (преимущественно на основаніи его трактата «*Di Païe*») и примѣчанія. В них — главный интерес работы. Автор дал себѣ труд разобрать все, что было когда-либо писано о де Мэстрѣ. Получилась одна из любопытѣйших страниц исторіи человѣческой глупости и непониманія. На примѣръ судьбы Ж. де Мэстра как нельзя лучше выясняется, до какой степени исторіографія хваленной эпохи «историзма» была в сущности — а отчасти, особенно во Франціи, остается и по сей день — антиисторической, к величайшим явленіям в исторіи человѣческаго духа равнодушной, неспособной и неже-

лающей понять их в себѣ, изучающей их с точки зрѣнія их «полезности», «услуг», оказанных ими «прогрессу». С этой точки зрѣнія де Мэстр или Адам фон-Мюллер легко оказываются какими-то выходцами с того свѣта, «вдохновителями европейской реакціи», берутся за одну скобку со (столь же, как они, упрощенным и опошленным) Меттернихом и с королем Карлом X — и непонятно, почему же Сен-Симон и Огюст Конт считали де Мэстра своим учителем. Надо сказать, что сам автор излагает ученіе де Мэстра не столько как историк, сколько как апологет. Взявши в качестве эпиграфа выдержку из письма Ог. Конта, гдѣ он говорит: «*M. de Maistre a pour moi la propriété particulière de me servir à apprécier la capacité philosophique des gens par le cas qu'ils en font*», автор, однако, понимает де Мэстра гораздо уже, нежели Ог. Конт. Для него, как и для самого де Мэстра, единственная подлинная «духовная власть» — это власть главы католической церкви. Конечно, ду-

мать так — его право. Его право также — признавать истинно-католическим лишь то направление в католицизмъ, которое ему симпатично, и называть Анри Бремона, автора замѣчательной книги «Histoire littéraire du sentiment religieux en France», можно сказать, открывшаго французское католическое возрождение XVI-XVII в.в., «der Salonabbé» (стр. 52) за то только, что ему не по душе де мэстровское понимание католицизма. В этой плоскости спорить с автором не приходится. Но автор не ограничивается выяснением так сказать внѣ-историческаго значенія де Мэстра: нѣсколько раз он затрагивает вопрос и об историческом мѣстѣ его, о его отношеніи к Руссо и к романтикѣ — и вот тут его ортодоксальность оказала ему плохую услугу. Последователь Ш. Морраса и Ж. Маритена, он не только Ж. де Мэстра, но и их считает авторитетами чуть ли не каноническими. Совпаденіе или несовпаденіе с их взглядами (а также со взглядами К. Шмитта) является для него критеріемъ правильности или ложности чисто-историческихъ высказываній. Поэтому ему «кажется почти невѣроятнымъ», как мог Мейнке причислить де Мэстра к романтикам. С романтичкой французской у де Мэстра дѣйствительно нѣтъ ничего общаго. Но сам же автор знает, что есть романтика и романтика, и замѣчает, что «нѣмецкая романтика во многом отличается от французской». Центральная идея нѣмецкой романтики—идея В с е е д и н с т в а («Totalität»), возвратом к

которой европейская мысль столь многим обязана Руссо, чѣм и оправдывается содоставленіе Ж. де Мэстра с романтиками и с Руссо. Но автор и на Руссо смотрит сквозь призму французскаго руссоизма — опять-таки в полном согласіи с французскими же анти-русоистами и критиками романтизма, — т.-е. знает только один аспект его: вѣру в «добраго от природы человѣка», в благость «страстей», одним словом все то, что так легко выродилось в жоржзандовскую пошлятину. Вслѣд за французами — безразлично поклонниками ли или ненавистниками Руссо — и автор считает послѣдняго «индивидуалистомъ», в уvroжденном, французском, значеніи этого слова; понимает буквально то, что говорит Руссо о «естественном состояніи», и видит в его картинѣ у Руссо не просто «рабочую гипотезу», навязывавшуюся ему привычными схемами тогдашней юридически-философской мысли, а подлинную «уродливую идиллію», плод его «возбужденнаго и нездороваго воображенія» (стр. 69). Поэтому он не мог проникнуть в сущность его ученія о «volonté générale» и понять его сродство с ученіем де Мэстра о первичности, «невыводимости» Общества. Я говорю именно о с р о д с т в ѣ обѣих концепцій, а не о в л я г и и одной на другую, что является вопросом методологически второстепенным. Нѣтъ ничего легче как раздѣлаться с мыслью великих «inadaptés», каковы Руссо, Достоевскій, Ницше, подходя к ней с психологическими, психоаналити-

ческими, психиатрическими предвзятостями — и ничего методологически незаконные. И столь же незаконно — о ц ѣ н и в а т ь чью-либо мысль, отправляясь от оценки действительных, или возможных, ее «влияний». Кант и Крупп, К. Леонтьев — и Союз Русского Народа, Ж. де Мэстр — и «la chambre introuvable», Руссо и Марат, или Руссо и «Indiana» — всем этим сближениям одна цена, та же, что и повомодному: Толстой, Достоевский — и тов. Сталин, причем, как это хорошо замечал недавно В. Вейдле, Толстой и Достоевский обращаются в «Толстоевского». Автор увидел подлинного де Мэстра, но не увидел его эпохи.

П. Бицилли.

MAURICE B. RECKIT. Faith and society. London 1932.

Эта книга имеет совсем особое значение для друзей «Нового Града», ориентированных в сторону англо-саксонского мира. Во-первых, она вышла из-под пера близкого нам по духу и направлению редактора журнала «Christendom», сотрудника о. Уиндрингтона и деятеля «Лиги Царства Божия». Во-вторых, она представляет попытку синтеза, исторического и систематического, всего этого интересного движения. У нас, среди русских, принято пренебрежительно относиться к социальному христианству на англо-саксонской почве. Мшащая Англию и Америку, «каволическая» и протестантская течения, мы склонны упрекать их в поверхностном мо-

рализме, практицизме, оторванности от мистической и философской почвы христианства. Такого предвзятого читателя книга Рекита приятно удивит. Она отличается несомненной остротой и глубиной мысли — социологической, но все время ищущей богословского обоснования, — глубиной, которая, в связи с критической сдержанностью и сложностью, делает чтение книги не очень легким делом.

Подробные исторические очерки христианского социального движения в Англии и в Америке точно определяют место в них автора и его социальной группы. «Лига Царства Божия» сменила в 1923 г. старую «Церковную Социалистическую Лигу», основанную еще в 1906 г. «Л. Ц. Б.» руководит людьми, принадлежащими к англо-каволическому течению англиканской церкви, т. е., богословски, к правому крылу ее. Это не только не мешает Лиге представлять в социальных вопросах одно из самых левых течений (левее ее в христианском лагере, стоят только «Crusaders» — «крестоносцы» близкие к коммунизму), но прямо помогает религиозному обоснованию анти-индивидуалистической социальной этики.

Не будучи богословом, Рекит кратко, но достаточно энергично обосновывает свою социологию на догмате воплощения и на каволичности (мы говорим «соборности») Церкви. Сильно чувствуется зависимость от томистских течений мысли: новая социология мыслится, как возвращение к средневековым принципам единства